

В. П. Бабинцев,* И. В. Бояринова,** Е. В. Реутов***

СТАТУС МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕЖДУ ЛИДЕРСТВОМ И АУТСАЙДЕРСТВОМ¹

Статус молодежи в современной России как социальная и социологическая проблема является предметом активного научного и публицистического дискурса уже более пятнадцати лет. Несмотря на то, что в последние годы острота дискуссий несколько снизилась, проблема сохраняет свою актуальность, ибо относится к числу не просто важных, но в какой-то мере ключевых проблем социальной науки. Вопрос при этом, на наш взгляд, сводится не только к тому, каковы перспективы тех, кого принято называть будущим поколением. Заявляя свою точку зрения на современную молодежь, ученые, публицисты, политики и чиновники тем самым наиболее четко позиционируют себя в рамках сложившейся политико-идеологической ситуации.

Разумеется, существуют и иные проблемы, в дискуссиях по которым можно убедительно и ярко заявить о себе. Но молодежная тематика удобна тем, что она обращена к будущему, становление которого происходит уже «здесь и сейчас». И едва ли не каждый считает желательным не просто прикоснуться к нему, но продемонстрировать тем самым свою современность, равно как и способность предвидеть ход событий. Формулируя свое видение молодежи, ученые и лидеры общественного мнения как бы заявляют о своей научной и политической состоятельности. Немаловажным фактором обращения к молодежной проблематике, и особенно это характерно для политиков, является подспудное или же вполне явное стремление к рекрутированию сторонников, избирателей, однопартийцев. Призрак «цветных» революций также в немалой степени способствует активизации внимания политической и научной общественности к молодежи, к ее ресурсам, ценностям, установкам.

В ходе дискуссий о положении молодежи в современном обществе сформировались две полярные точки зрения, которые условно можно определить как пессимистическую и оптимистическую. В соответствие с первой, исторически наиболее ранней, молодежь представляет собой одну из наименее защищенных групп населения. Сторонники второй рассматривают молодежь как лидирующую группу российского общества. Эту оценку современной российской молодежи довольно долго и последовательно отстаивает А. А. Козлов. Еще в 1998 году он утверждал, что «наша молодежь — поколение будущего. Правда, что все более очевидно, весьма далекого от тех благостных картинок, которые рисовали в общественном сознании (и не только на обыденном уровне, но и на профессиональном) в начале пути десятилетие назад»².

Он далеко не одинок в своих взглядах. Более того, время множит число оптимистов. Сравнительно недавно, обосновывая оптимистическое восприятие

© Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В., 2007

* заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета (Белгород, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор

** аспирант Белгородского государственного университета (Белгород, Российская Федерация)

*** доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета (Белгород, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 06-03-001-40а.

² Козлов А. А. Только поколение надежды! // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века? — СПб., 1998. — Ч. 1. — С. 239.

молодежи на страницах газеты «Российской газеты», Д. Терин утверждал: «В традиционном обществе, которое «смотрит назад», воспроизводит традицию, очень высока ценность тех, через кого она передается, то есть стариков ... А современное общество поворачивается лицом вперед. Ценность традиции становится минимальной, зато, наоборот, ценно то, что ново»³.

Между полярными точками зрения существует множество компромиссных позиций. В каждой из них содержится та или иная доля истины. Но, на наш взгляд, довольно трудно оспаривать тезис о том, что современная молодежь существенно различается по своему статусу, роли в обществе и особенностям общественного сознания. Нам уже приходилось доказывать, что духовная жизнь молодежи России характеризуется сегодня достаточно сложной динамикой перемен⁴. В активную взрослую жизнь вступают люди, характеризующиеся иным, нежели «старые» поколения, видением жизни, отношением к окружающим и к обществу в целом. Исследования дают основание утверждать, что в современной России происходит постепенная трансформация традиционного культурно-цивилизационного архетипа, существовавшего в советских культурных формах, в различные постмодернистские модификации. Она осуществляется крайне неравномерно и непоследовательно. Для современной молодежи характерно исключительное разнообразие «духовных миров», специфика которых определяется сложными комбинациями внешних и внутренних факторов: демографических, профессиональных, этнических, социокультурных, экосоциальных и политических⁵.

Это разнообразие миров не позволяет однозначно определить статус молодежи в российском обществе. Несомненно, что она потенциально и субъективно настроена на лидерство. Для реализации лидирующей роли имеется немало предпосылок, главной из которых мы считаем открытость новому, способность к нетрадиционным, инновационным решениям. Это делает ее способным к конструктивному межкультурному диалогу, без которого лидерство принципиально невозможно.

Но было бы ошибочным не учитывать, что в развитии молодежи проявляется и противоположная тенденция — тенденция к социальному аутсайдерству. И «мир социальных аутсайдеров» является особым «молодежным миром», без анализа которого мы не сможем более или менее адекватно оценить статус тех, кого приятно считать новым поколением. То, что такой мир существует, не подлежит сомнению. Но за этой несомненностью аутсайдерства скрывается неопределенность его дефиниции и оценки, что, впрочем, вполне объяснимо. Феномен социального аутсайдерства в молодежной среде представляет крайне сложное и неоднозначное явление. Прежде всего, не вполне ясно, кто может считаться социальным аутсайдером в современной России, каковы критерии, позволяющие причислить к ним того или иного человека (группу).

Мы полагаем, что социальное аутсайдерство молодежи имеет два измерения. Первое — *социально-экономическое* — связано с не вполне благоприятными реальными жизненными условиями молодых людей. Его вполне очевидными проявлениями является бедность, недоступность качественного образования, безработица или невозможность устроиться на работу по специальности, отсутствие жилья. Эти проблемы молодежи можно перечислять довольно долго, и, несмотря на некоторую

³ Яковлева Е. С места — в карьер. Почему в обществе происходит скрытая война возрастов // Российская газета. — 2006. — 15 ноября.

⁴ См.: Дятченко Л. Я., Бабинцев В. П., Морозова Т. И. Формирование социально-технологической культуры школьников в регионе: Монография. — Белгород, 2006.

⁵ Там же. — С. 42.

стабилизацию положения молодых людей в последние годы, обусловленные, главным образом увеличением возможностей государства в большем объеме финансировать отдельные поддерживающие проекты, они сохраняют свое значение.

В ходе проведенного нами в рамках реализации гранта Российского гуманитарного научного фонда «Социальное аутсайдерство молодежи как источник опасностей и угроз в условиях пограничного региона» социологического исследования (№=499 респондентов, выборка квотная, критерии квотирования — возраст и район проживания, доли женщин и мужчин равны) факт социально-экономического аутсайдерства молодежи подтвердился по ряду позиций. Так, 39,68 % респондентов выразили неудовлетворенность своими доходами; 33,47 % — размером своей собственности; 25,05 % гарантиями занятости; столько же — возможностью участвовать в управлении обществом.

Следствием бедности и отсутствия перспектив социально-профессиональной карьеры является «уход» из социальности, который сопровождается практиками личностного саморазрушения — употреблением психоактивных веществ или растворением в коллективизме тоталитарных организаций. На макросоциальном уровне эскапизм проявляется в наркотизации, алкоголизации, социальном инфантилизме, абсентеизме, уклонении от военной службы и т. д. В ряде же случаев результатом социальной исключенности становится агрессия. Она направлена на социальные институты и группы, являющиеся действительными или мнимыми «виновниками» социального аутсайдерства. Как способ снятия социальной напряженности агрессия носит спонтанный характер и направлена в таком случае на всех, кто в социальном отношении маркирован иначе.

Социально-экономическое аутсайдерство в значительной степени является следствием маргинальности молодежи, представляющей имманентную характеристику данной социально-демографической группы.

Тем не менее, факт социально-экономического аутсайдерства молодых людей не следует преувеличивать. В настоящее время оно характеризует положение меньшинства молодых людей в регионе и не воспринимается ими как нечто фатальное для их судьбы. В ходе нашего исследования лишь 1,6 % его участников в возрасте от 14 до 30 лет отнесли себя к молодежи, не имеющей перспективы в жизни, обреченной на неудачу. Относительное большинство респондентов (37,88 %) полагают, что они принадлежат к молодым людям, хорошо приспособившимся к современной ситуации, чувствующим себя комфортно. 28,06 % белгородцев считают себя молодыми людьми, переживающими временные трудности, но имеющими хорошую жизненную перспективу. Отметим, что, по данным мониторингов Левада-Центра в 2006 г., от 8 до 12 % респондентов (по общероссийской выборке) заявляют, что не смогли и не смогут приспособиться к нынешней жизни⁶.

Несмотря на все трудности, большинство молодых людей, как они сами полагают, более или менее успешно адаптируются к жизненной ситуации, или, по меньшей мере, рассчитывают на успех. Таким образом, социально-экономический аспект аутсайдерства ярко не выражен в жизнедеятельности молодежи региона.

Оценивая полученные результаты, мы рискуем утверждать, что аутсайдерство в его социально-экономическом измерении уже не столь типично для молодежи, как это было в начале 1990-х годов. Напротив, именно на социально-экономическом поле преимущественно и формируется лидерский потенциал молодежи. Он обеспечивается ее лучшей адаптацией, мобильностью,

⁶ См.: Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006100301.print.html>.

готовностью к риску и, в конечном счете, способностью регулировать качество своей жизни.

Сложнее обстоит дело в сфере духовного развития. В рамках ее проявляется второе измерение проблемы социального аутсайдерства, которое мы определяем как *диспозиционное*. В данном случае речь идет о том, что, вне зависимости от осознания данного факта, аутсайдерство превратилось в феномен сознания значительной части молодежи и проявляется в наборе специфических для него ценностно-целевых установок, мотиваций и интериоризированных норм. В содержательном отношении эти установки, мотивации и нормы характеризуются несколькими особенностями:

— во-первых, они в настоящее время и в перспективе не способны обеспечить легитимный жизненный успех личности;

— во-вторых, их невозможно рассматривать как реальную основу для саморазвития личности. В лучшем случае эти ценностно-мотивационные паттерны обеспечивают адаптацию к аномальной по своим важнейшим характеристикам референтной среде, например, к криминальной и полукриминальной субкультуре;

— в-третьих, они максимально динамичны. При этом вполне естественная динамичность молодежного сознания, отражающая его естественный переходный характер, гипертрофируется до тотальной условности духовных артефактов в сознании молодого человека. Для него становятся допустимыми любые взгляды и убеждения, что, впрочем, является не следствием уважения к ним, но — безразличия, неумения и нежелания сделать нравственный выбор;

— в-четвертых, даже эти максимально динамичные компоненты сознания обретают вид симулякров — искусственно созданных конструкций, лишенных объективных оснований.

Пластичность нормативно-ценностной системы, естественная для индивидов с незавершенной социализацией, стала достаточно значимым фактором, способствующим адаптации молодых людей и компенсации социальной эксклюзии в ситуации неопределенности и трансформации социальных структур и институтов.

На наш взгляд, допустимо выделить несколько более или менее отчетливо диагностируемых показателей диспозиционного аутсайдерства.

Прежде всего, это неспособность к реалистической оценке жизненной ситуации и шансов на успех избранной жизненной стратегии. Молодежь, как и всегда, в своем большинстве запрограммирована на успех. И не потому, что она недовольна нынешним положением. Уровень удовлетворенности им, напротив, достаточно высок, и недовольство своей жизненной ситуацией высказали в ходе исследования только 12,42 % опрошенных нами молодых людей. Создается впечатление, что трагизм в оценке настоящего и будущего современной молодежи типичен для старших, но не для самих юношей и девушек.

Можно, разумеется, упрекать старшее поколение в чрезмерном алармизме, в попытках экстраполировать свое критическое видение настоящего на сознание молодых людей. Но с не меньшей степенью вероятности допустимо предположить, что они во многом правы в своих оценках. Напротив, значительная часть молодых людей неспособна подняться до более или менее адекватной оценки своей жизненной ситуации. Не зная иначе организованной и ориентированной жизни, постоянно подстраивая свои потребности и интересы к модели символического потребления, которая утвердилась в социуме и получила не только легитимацию, но и возможность реализации, молодые люди убеждены в своей состоятельности. И даже если сегодня их представление об успехе не коррелирует с достигнутым статусом, оно проникнуто надеждой на неизбежное улучшение этого статуса в будущем. В сознании большей части молодежи Белгородской области отсутствует даже тень сомнения в том, что

они достигнут жизненного успеха. Показательно, что 18,44 % респондентов уверены в реализации своих жизненных планов полностью; 60,32 % — в основном. Не замечают респонденты и того, что многие не располагают необходимыми ресурсами для его достижения. Впрочем, это относится не только к самооценке. Судя по всему, большинство из респондентов не способно воспринимать жизнь в многообразии рисков и угроз. Большинство деклараций о глобальной нестабильности, о возрастании рисков и угроз остаются непонятными молодыми людьми. Они упорно не видят «стигматов» настоящих и будущих социальных и иных катаклизмов. Только 10,62 % из опрошенных молодых людей опасаются усиления социальной несправедливости; 13,43 % — экологических катастроф; 14,83 % — распространения безнравственности, культа насилия.

Обращает внимание на себя также внеинституциональный личностный характер способов достижения жизненных целей. Главными факторами их реализации большинство считает преимущественно личные качества — целеустремленность (65,53 %) и работоспособность (53,31%), и лишь затем — хорошее образование (52,51 %).

Другим примечательным показателем диспозиционного аутсайдерства является возрастающая атомизация молодежного сознания, выражающаяся во все большей «замкнутости» молодых людей на самих себя, в снижении значимости коллективистских ценностей. Молодежь все меньше рассчитывает на поддержку извне, предпочитает верить в свои силы. 57,31 % участников нашего опроса заявили, что они верят только в себя, и лишь 1 % — в других людей.

Сама по себе установка на собственные силы не вызывает тревоги, но, в-первых, на практике она все чаще сочетается с недоверием к обществу. Во-вторых, опыт показывает, что потенциал большинства молодых людей недостаточен для индивидуального достижения жизненного успеха законными средствами.

Однако присущая молодежи нерефлексивность мышления препятствует осознанию ею своей несамодостаточности как главного препятствия на пути реализации жизненных планов. Молодые люди, если и допускают возможные барьеры на пути к успеху, то связывают их, прежде всего, с внешними обстоятельствами. Так 39,88 % респондентов считают отсутствие связей главным препятствием для реализации своих жизненных планов.

Отсутствие таких связей, действительно, является одним из барьеров на пути к достижению личных целей. В данном случае молодые люди довольно реалистичны в собственных суждениях и оценивают наше общество адекватнее, чем многие их наставники, склонные к идеализации социума и государства. Респонденты чаще всего характеризуют их именно такими, какими они и являются на самом деле — со всеми деформациями, противоречиями и проблемами. Здесь отчетливо проявляется противоречие, которое может быть сформулировано следующим образом. Молодые люди не критичны и недостаточно реалистичны в отношении комплекса внешних и внутренних обстоятельств, влияющих (или способных повлиять) на реализацию их жизненных планов. Они склонны к их идеализации. Однако это не идеализация в духе романтизма, который традиционно приписывали молодежи, но конструирование симулякров в полном соответствии с духовной ситуацией постмодерна.

Подобное конструирование коррелирует с превращенными формами социальной реальности и может рассматриваться как свидетельство высокой адаптивности молодежи. Более того, имеет смысл говорить о своеобразном резонансном мышлении, как характерной черте диспозиционного аутсайдерства. Оно воплощается в двух диалектически взаимосвязанных процессах. Первый сводится к органичному усвоению молодыми людьми превращенных мыслеформ, продуцируемых постмодернистской культурой. Второй — к конструированию

симулякров, адаптивных к специфической молодежной субкультуре, базирующейся на признании относительности и условности ценностей и норм.

Влияние обоих процессов проявляется в неконструктивности мышления современных аутсайдеров, о чем свидетельствует отмеченное выше сетование на отсутствие связей. При всей формальной правомерности ссылки на их дефицит она свидетельствует об изначальной ущербности диспозиции личности молодого человека.

Жизненный успех в представлениях, формирующихся в рамках данной диспозиции, связывается с карьерой. В частности, установка на карьеру оказалась ведущей для 45,29 % респондентов. Это очень высокий показатель, уступающий лишь показателю установки на семейное счастье (64,73 %). Но попытка поставить возможность достижения успеха и карьерного роста только в зависимость от связей и знакомств, как представляется, неконструктивна по своей сути. В информационном (постиндустриальном) обществе, к которому, несмотря на все трудности, движется Россия, достижение личностью жизненного успеха гарантируется преимущественно технологичностью мышления и поведения. В то же время, очевидно, что для современной молодежи в регионах нетипична установка на освоение и систематическое использование в повседневной действительности социальных технологий. Этому препятствуют некоторые ярко выраженные черты молодежного сознания:

— смутный индивидуальный оптимизм с его установкой на то, что «завтра (или когда-нибудь) обязательно будет лучше, чем сегодня»;

— отказ от тщательных подсчетов позитивных и негативных последствий принимаемых решений (в некоторых случаях недопущение самой возможности отрицательных эффектов);

— повышенная степень риска в процессе принятия решений, являющаяся в значительной мере следствием недостаточного просчета сценариев развития, чрезмерного упования на интуицию и здравый смысл;

— недооценка возможностей социальной диагностики и профессиональной экспертизы, а также профессионального подхода к социально-преобразующей деятельности в целом, явное или скрытое поощрение дилетантизма;

— неэкономичность мышления;

— низкий уровень личной ответственности за последствия принимаемых решений и действий, перекладывание ее на внешние обстоятельства.

Разумеется, эти черты характеризуют сознание далеко не всей молодежи. Для ее части, особенно проживающей в мегаполисах, получающей или уже получившей качественное образование, свойственны активность и рациональный подход к действительности. Но для большинства российских регионов это не вполне типично.

Противоречивость сознания необходимо также отнести к числу показателей диспозиционного аутсайдерства. Оно проявляется уже в том, что с одной стороны, молодые люди формально не отвергают социальные ценности, когда они обсуждаются в общем виде, вне привязки к конкретной ситуации. С другой стороны, если требуется оценить конкретное явление, общие гуманистические установки корректируются. И при этом — существенно, вплоть до замены на прямо противоположные. В частности, 66,33% участников нашего исследования заявили о своем дружелюбном отношении к людям. Но почти каждый четвертый из них (24,65 %) считает допустимыми противоправные действия для достижения своих целей.

В свое время А. И. Щендрик дал предельно жесткую характеристику современного молодого человека: «В моральном плане он сдержанно агрессивен. Ему свойственна определенная доля жестокости, которая, с его точки зрения, является

вполне оправданной, ибо он твердо уверовал в то, что «человек человеку — волк» и что каждая оказываемая ему услуга или одолжение определяется интересом того человека, который ее оказывает... При решении возникающих проблем он рассчитывает только на себя, считая, что большинство людей занято только собой и надеяться на их помощь — значит быть утопистом»⁷. Сегодня приходится констатировать, что большинство из отмеченных черт диспозиции личности не только сохранилось, но и приняло акцентированный характер.

Диспозиционное аутсайдерство едва ли не наиболее ярко проявляется в отчуждении молодых людей от государства и общества. Отчуждение выражается, во-первых, в росте недоверия к основным государственным и общественным институтам. Лишь Президенту РФ доверяют 27,25 % молодых людей. Милиция — 3,21 %; политическим партиям — 0,6 %; церкви — 6,21 %. 32,06 % не доверяют никому. Одним из следствий практически тотального кризиса доверия является готовность почти каждого третьего молодого человека (31,46 %) уехать за границу и жить там постоянно. Кроме того, 17,03 % участников опроса пока не имеют сложившегося мнения по этому вопросу.

Еще одним существенным проявлением диспозиционного аутсайдерства, на наш взгляд, является возрастание конфликтности и агрессии в молодежной среде. Эта агрессия носит как поведенческий, так и ментальный характер и может проявляться как в собственно молодежной среде, так и быть направленной по отношению к иным сегментам общества. Наряду с традиционными формами молодежной агрессивности — преступностью, групповыми схватками и т. д., в современном обществе распространяются так называемое «мобильное насилие», когда акты агрессии фиксируются камерами мобильных телефонов, или насилие для развлечения (охота за бомжами и другими отверженными, получившая распространение в последние годы в США, Западной Европе, а затем и в России).

Распространенным адресатом молодежного насилия являются также иноэтнические группы. По результатам социологических исследований, проведенных в Кондопоге после известных событий, 49 % студентов и школьников испытывают негативные чувства к выходцам из Кавказа⁸. Опросив в школах Тольятти около шести тысяч учащихся 10-11-х классов, социологи получили такие данные: 68 % ребят и почти 40% родителей уверены в том, что в России должны жить только русские⁹.

Таким образом, современный молодой человек все чаще становится человеком, в сознании которого одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи. Ж. Т. Тощенко определяет это как «рождение уникального явления — парадоксального человека». И пишет: «Выдвинув данную концепцию, автор сделал заключение, что оно не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально. В общественном сознании зреют и продолжают существовать взаимоисключающие ориентации, которые противостоят друг другу, исключают друг друга, несомкстимы между собой»¹⁰.

Парадоксальный человек не представляет собой цельной личности, способной адекватно реагировать на вызовы «смутного времени», для которого

⁷ Щендрик А. И. Коллизии ценностного сознания российской молодежи в постперестроечный период // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. — М., 1994. — С. 55.

⁸ См.: Петрозаводск: Половина молодежи не любит кавказцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.789.ru/new/index.html?id=4717>.

⁹ См.: Тольятти: Мэра шокировали результаты опроса старшеклассников [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.789.ru/new/index.html?id=4661>.

¹⁰ Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. — 2004. — № 12. — С. 4.

типичен «специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска»¹¹.

Всеобщая неустойчивость не просто красивая фраза, но принципиальная характеристика, относящаяся не только к социальным отношениям, но именно к ценностному миру, который максимально неупорядочен. В современных российских реалиях терминальные ценности, представляющие собой соглашение между людьми относительно целей, к которым следует стремиться, в лучшем случае подменяются инструментальными ценностями, то есть гипертрофированной значимостью достижения целей. При этом в сознании молодых аутсайдеров (и не только их) цель обычно рассматривается в ее индивидуальном или корпоративном значении. Ценностные паттерны, которые формировались в течение нескольких поколений, как правило, распадаются или редуцируются до минимального уровня. Значение приобретает только то, что в данный момент выгодно узким группировкам, объединенным ситуативными интересами, либо отдельным личностям, мнящим себя выше правовых и нравственных норм. Но уже сам по себе выход за их пределы является еще одним специфическим проявлением аутсайдерства, поскольку означает отказ от следования социокультурным традициям и разрывает связь поколений.

«Смутное время» постоянно провоцирует и поощряет такие жизненные стратегии. К типичным характеристикам общества в эпоху «смуты» относятся: дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация практически каждой статусной группы на свою «особую правду»; аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи; социальное дезертирство; алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда; тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющиеся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы; пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие; идеологическая виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием.

Эти черты многократно воспроизводятся в молодежном сознании, обуславливая его неспособность к реальным и конструктивным, а не мифологизированным и деструктивным ответам на вызовы времени. В противоречии между социальной, легитимной конструктивностью и асоциальной нелегитимной деструкцией мы склонны усматривать главную предпосылку для утверждения аутсайдерства в молодежной среде. Сама по себе молодежь в большинстве случаев не способна разрешить данное противоречие, хотя бы уже потому, что, как уже отмечалось, чаще всего испытывает иллюзии относительно своих жизненных шансов.

Именно подобные иллюзии становятся причиной манипулирования молодежью «старшими» когортами в политических и иных целях. В частности, получившие широкое распространение в последние годы практики политической мобилизации молодежи с целью получения краткосрочных эффектов имеют

¹¹ Зубок Ю. А. Проблема риска в социологии молодежи. — М., 2003. — С. 146.

следствием фрустрацию, рост недоверия к политическим институтам и, как следствие, недифференцированный протест, сопряженный с насилием. В дальнейшем молодые люди, получившие примитивные навыки политического действия и столь же примитивные идеологические принципы, и в то же время не имеющие возможности реализации своих амбиций в иных сферах, становятся социальной базой экстремистских организаций. Негативные последствия вовлечения молодежи в орбиту подобных групп и идеологий состоят не только в принятии и рутинизации насилия как наиболее эффективного или даже единственного способа достижений политических целей. В сознании молодежи реальные причины существующих социальных проблем, поиск и осмысление которых требует известных когнитивных усилий, замещаются быстро усваиваемыми идеологическими фикциями и иными симулякрами. Многогранная социальная реальность описывается в категориях простых решений — типа этнических чисток как универсального способа урегулирования многочисленных проблем — от межэтнических конфликтов до преступности, роста цен на рынках и безработицы. Хотя практика показывает, что их реализация лишь в очень немногих случаях решает проблему, но в то же время создает массу новых.

Именно поэтому нужны реальные меры, направленные на преодоление отчуждения поколения молодых от государства и, в значительной мере, от общества в целом. Крайне необходимо восстановить доверие молодых людей к власти. Кризис доверия является естественной реакцией на пренебрежение мнением «простого человека», не сумевшего (или не успевшего) теми или иными (чаще всего несправедливыми способами) скопить состояние, обеспечивающее право голоса на политическом рынке. Восстановление же доверительного отношения, дополненного формированием у человека желания участвовать в решении проблем государства и общества, является насущной и едва ли не самой сложной задачей, решаемой в ходе разработки и осуществления современной стратегии управления.

Мы убеждены, что, не изменив диспозиции значительной части молодых людей и не инкорпорируя ее в существующие социальные институты, общество не обеспечит условия для проявления лидерского потенциала молодежи и, фактически, обречет эту группу молодежи на роль социальных статистов.

